

УДК 81.111' 373.47

А. А. Хильковская

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВЫРАЖЕНИЯ КРИТИКИ И НЕОДОБРЕНИЯ В СВЕТЕ ТЕОРИИ НЕВЕЖЛИВОСТИ



Настоящее исследование ведется на кафедре иностранных языков ХГУ «НУА» под руководством проф. Тарасовой Е.В., результаты его ежегодно публиковались в сборнике «Ученые Записки».

Цель исследования выявить коммуникативные стратегии выражения критики и неодобрения, существующие в современном англоязычном *дискурсе*. Исследование опирается на понимание дискурса как «языка в действии», существующего в форме речевого потока, регулируемого стратегиями и тактиками участников общения и подверженного влиянию сложной системы когнитивных, языковых и внеязыковых факторов. Для дискурс-анализа предлагаются инструменты прагматики: понятия речевого акта и прагматические принципы (Кооперативный Принцип Грайса и Принципы Вежливости Браун и Левинсона). Данное в статье определение коммуникативных стратегий основывается на теории речевых актов, которая понимает говорение как действие, реализующее коммуникативное намерение путем рационального выбора языковых и речевых средств.

Поскольку критика и неодобрение связаны с отрицательной оценкой, в работе рассматриваются *эксплицитные* и *имплицитные* средства выражения оценки. Выбор говорящим средств для выражения отрицательной оценки рассматривается как ключевой для успеха коммуникации, что связано с конфликтогенностью отрицательной оценки.

Определяя критику и неодобрение как потенциально конфронтационное речевое поведение в исследовании применяется модель Кальпеппера, автора Теории Невежливости, для классификации коммуникативных стратегий, в которых критика и неодобрение в различных обстоятельствах могут находить свое выражение. Выделяются стратегии неодобрения «bald on-record», стратегии критики и неодобрения, угрожающие «позитивному лицу» адресата, стратегии критики и неодобрения, наносящие ущерб «негативному

лицу» адресата, сарказм и стратегии «off-record». К этой классификации предлагается добавить еще одну коммуникативную стратегию – «дружескую невежливость» – характерную для ситуации дружеского общения.

Ключевые слова: дискурс, дискурс-анализ, прагматика, коммуникативные стратегии, Кооперативный Принцип Грайса, Теория Вежливости, критика и неодобрение.

Хільковська А. О. Комунікативні стратегії висловлення критики та несхвалення в світі теорії неввічливості

Дослідження, що представлено, ведеться на кафедрі іноземних мов ХГУ «НУА» під науковим керівництвом професора Тарасової О. В. його результати були щорічно представлені на сторінках «Вчених Записок ХГУ «НУА»».

Ціль цього дослідження полягає у виявленні та вивченні комунікативних стратегій висловлення критики та несхвалення в сучасному англомовному дискурсі. Дослідження спирається на визначення дискурсу як «мови в дії» що реалізується в потоці мовлення, регулюється стратегіями і тактиками учасників спілкування та зазнає впливу складної системи когнітивних, мовних та позамовних чинників. Для дискурс-аналізу пропонуються інструменти прагматики: поняття мовленнєвого акту та прагматичні принципи (Кооперативний Принцип Грайса і Теорію Ввічливості Браун та Левінсона). Визначення комунікативної стратегії, що використовується дослідженням, базується на Теорії Мовленнєвих Актів, мовлення сприймається та аналізується як дія, що реалізує комунікативні наміри суб'єкта шляхом раціонального відбору мовних та мовленнєвих засобів.

Оскільки критика та несхвалення безпосередньо пов'язані з негативною оцінкою, стаття розглядає експліцитні та імпліцитні засоби висловлення оцінки. Вибір засобів висловлення негативної оцінки розглядається в статті як ключовий чинник успіху комунікації у зв'язку з високою вирогідністю конфронтації, що може бути спричиненою критикою або несхваленням.

Визначаючи критику та несхвалення як потенційно конфронтаційну мовленнєву поведінку, дослідження використовує модель Кальпеппера, автора Теорії Неввічливості, для класифікації комунікативних стратегій, за допомогою яких критика та несхвалення можуть передаватися. Виділяються стратегії несхвалення «bald on-record», стратегії критики та несхвалення, що загрожують «позитивному обличчю» адресата, стратегії критики та несхвалення, що загрожують «негативному обличчю» адресата, сарказм і стратегії «off-record». До існуючої класифікації пропонується додати ще одну стратегію – «дружню неввічливість» – що є характерною рисою спілкування у колі друзів.

Ключові слова: дискурс, дискурс-аналіз, прагматика, комунікативні стратегії, Комунікативний Принцип Грайса, Теорія Ввічливості, критика та несхвалення.

Khilkovska Asia. Communicative Strategies of Expressing Criticism and Disapproval in the Light of the Impoliteness Theory

The research under discussion is carried out in People's Ukrainian Academy under the scientific guidance of Professor Tarasova O. V. Its results have been publicized in the PUA annual bulletin «Vcheni zapiski Kharkivs'kogo humanitarnogo universitetu».

The objective of the research is to identify communicative strategies of expressing criticism and disapproval in the modern English discourse. The research views and defines discourse as a «language in action», present in a stream of speech regulated by tactics and strategies of speakers and affected by a complex system of cognitive, linguistic and non-linguistic factors. As means of discourse analysis principles of pragmatics, such as Grice's Cooperative Principle of and the Theory of Politeness, are suggested. The definition of a communicative strategy given in the paper is based on the Speech Acts theory which says that speech is a kind of action meant to achieve communicative intentions of the speaker by means of the language rationally selected by the communicant.

As criticism, as well as disapproval, is expression of negative attitude to objects, actions or situations in a whole, the paper reviews and classifies explicit and implicit negative value judgements. Selection of appropriate means conveying poor evaluation is considered crucial for a speaker due to high probability of confrontation which may be caused by criticism and disapproval. Defining criticism and disapproval as belonging to a confrontational discourse, the research uses Culpepper's Impoliteness model to classify communicative strategies employed to express criticism and disapproval. Strategies of disapproval «bald on-record», strategies threatening individual's «positive face», strategies threatening individual's «negative face», sarcasm and «off-record» strategies are identified in the paper. A strategy of «friendly impoliteness» is suggested to complement the classification.

Key words: discourse, discourse analysis, pragmatics, communicative strategies, Grices Cooperative Principle, Theory of Politeness, criticism and disapproval.

Цель настоящего исследования выявить коммуникативные стратегии выражения критики и неодобрения, существующие в совре-

менном англоязычном *дискурсе*, проследить связь избираемых говорящим коммуникативных стратегий с прочими языковыми и внеязыковыми факторами, взаимодействующими в процессе коммуникации в конкретной ситуации, и результатами коммуникации, описать механизмы использования различных стратегий выражения критики и неодобрения для достижения коммуникативных целей говорящего.

Отправной точкой исследования стало определение понятия *дискурс* как «использования языка в определенных социальных условиях» или «языка в действии» [4, с. 23]. За основу были взяты определения, данные Ю. С. Степановым, дискурс – это «особое использование языка для выражения ментальности, которое влечет за собой активацию некоторых черт языка» [5, с. 35], и И. С. Шевченко: «Дискурс – это текст (или тексты), созданные в результате речевой деятельности представителей определенной лингво-культурной общности», рассматриваемые в совокупности их лингвистических параметров и социо-культурного контекста, при этом к дискурсу относятся все формы устной и письменной речи [9, с. 150].

Данное в начале исследования определение остается по-прежнему актуальным, с той лишь поправкой, что за последние несколько лет слово «*дискурс*» стало самым употребляемым в речи «не лингвистов» лингвистическим термином.

Наряду с лингвистами, анализом *дискурса* занимаются антропологи и философы, психологи и социологи, специалисты по массовым коммуникациям и политологи. Дискурс-анализ для лингвиста – это источник информации о том, «что и как язык сообщает, когда он целенаправленно используется в отдельных случаях и контекстах, и как явления, которые мы обнаруживаем в реальном языке, можно объяснить с учетом коммуникативных целей текста или взаимодействия» [4, с. 32]. Иными словами, лингвистика рассматривает феномен функционирования языка, в то время как для других дисциплин дискурс-анализ – способ получения информации о социальных отношениях, психологическом состоянии и других аспектах жизни индивидуумов или их сообществ. Изучение дискурса в рамках различных научных дисциплин обогащает каждую из них, стирает

рамки между отдельными областями знания и превращает дискурс-анализ в междисциплинарный инструмент научных исследований.

Дискурс как язык в действии, язык используемый, «чтобы что-то сделать и что-то значить» [4, с. 32], является объектом динамичным, «живым», интерактивным, существующим в форме речевого потока, регулируемого стратегиями и тактиками участников общения и подверженного влиянию сложной системы когнитивных, языковых и внеязыковых факторов [5, с. 35].

Поэтому для анализа дискурса более всего подходят инструменты предлагаемые прагматикой.

Для прагматики характерно представление о речи как о действии, которое совершается говорящим для достижения им определенных коммуникативных целей. «Прагматика изучает, как язык может использоваться, чтобы выполнить действие и иметь значение в реальных ситуациях» [4, с. 120]. Значение тоже не является в прагматике статичным, раз и навсегда закрепленным за теми или иными языковыми единицами, оно формируется в коммуникации и взаимодействии. «Создание значения – это динамический процесс, оно формируется во взаимодействии говорящего и слушающего». На его формирование влияет как «контекст высказывания (физический, социальный и лингвистический)», так и «потенциал значения высказывания» [17, с. 22].

Таким образом, в прагматике *дискурс* – это пространство «для динамичного процесса создания значения» [4, с. 121], и прагматика предлагает инструменты для дискурс-анализа: понятия речевого акта и прагматические принципы: Кооперативный Принцип Грайса и Принципы Вежливости Браун и Левинсона.

В основе теории речевых актов лежит идея о том, что говорение – это действие, коммуникация индивидов есть последовательность речевых действий, направленных на реализацию их коммуникативных намерений. Наличие намерения (интенции) является неотъемлемым свойством речевого действия, этим намерением обусловлен выбор языковых и речевых средств каждым участником коммуникации. Таким образом, можно говорить о реализации говорящим определенной коммуникативной стратегии, природа которой интерактивна, так как она имеет свойство реагировать на речевое поведение

остальных участников коммуникации. «Стратегия – ... тип поведения каждого партнера в ситуации диалогического общения, который обусловлен и соотнесен с планом достижения глобальной и локальной коммуникативных целей» [1, с. 152].

Кооперативный принцип Грайса [14] гласит, что успех любой коммуникации зависит от готовности ее участников к взаимодействию и сотрудничеству. Эта готовность выражается в соблюдении коммуникантами правил речевого общения, которые получили название Максима кооперации Грайса: Максима Количества (недостаток информации, равно как и ее избыток, затрудняет коммуникацию), Максима Качества (ложная, недостоверная информация, мнения, не имеющие под собой достаточного основания, препятствуют эффективной коммуникации), Максима Релевантности (отклоняясь от темы, говорящий отдаляется от достижения поставленной коммуникативной цели), Максима Манеры (способ выражения не менее важен для осуществления коммуникативных намерений говорящего, чем содержание высказывания). Участники коммуникации далеко не всегда придерживаются сформулированных Грайсом Максим кооперации, но предполагается, что говорящий обладает свободой выбора и рациональностью, выбирая наиболее эффективные стратегии речевого поведения для достижения своих коммуникативных целей.

Критика и неодобрение связаны с отрицательной оценкой объектов, действий или ситуаций, выраженной с помощью содержащих оценочный компонент или приобретающих его в данном контексте языковых выражений, от единиц, представляющих собой, по Вольф [2], «меньше, чем слово» (междометие или пауза в разговоре) до целых высказываний.

Отрицательная оценка в высказывании может быть выражена *эксплицитно* и *имплицитно*. Среди эксплицитных средств выражения, в первую очередь, лексика, предназначенная для выражения оценки, прилагательные и наречия, существующие в парадигме «хороший/плохой», «хорошо/плохо», негативные наименования, глагольные структуры, описывающие оценочные отношения, в данном случае, отрицательное отношение к объекту, а также интерпретация действий индивидуума или событий в выражениях, содержащих отрицательную оценку.

*It was **nasty**, but I just put it out of my head.*

***I'm sorry**, I was so **rude**.*

*She sounded like her old self. **Nasty** and **bitchy**.*

*What, that **old frump**!*

*I don't know about you, but **I don't like** to be kept waiting.*

*It's my hair, that **wretched** hairdresser **ruined** my hair.*

*I told you not **to play with wrong children**.*

*Lots of **rivalries** and **jealousies**.*

К средствам эксплицитного выражения отрицательной оценки следует отнести также грамматические конструкции, за которыми закрепились функции отрицательной оценки: неиндикативные конструкции (*should have done, I wish he would, If you hadn't..*), конструкции с прилагательным/наречием (*too ..., not enough*).

*She **should have known** he was a blackmailer.*

***I wish you wouldn't call** me that.*

*«**I wish you hadn't come** and about time, too»*

*I thought he would have been **too old** for a disco.*

Неодобрение эксплицитно выражается в запретах, предостережениях и угрозах как непосредственной реакции на неодобряемое говорящим поведение, а также с помощью описания негативного эмоционального состояния субъекта речи, вызванного неодобряемым поведением.

*Eat your breakfast and **stop staring** at me!*

*Oh, **shut up**!*

*I admit, **I'm a little annoyed**.*

Отрицательная оценка может быть эксплицитно выражена высказыванием с модальностью желания, желаемое воспринимается как хорошее, и наоборот.

*...we **don't want** to do anything with the likes of you!*

Широко в качестве оценочных используются высказывания, в основе которых лежат другие модальности, оценка как бы маскируется ими, т. е. выражается имплицитно. Например, элемент оценки имплицитно присутствует в советах и других высказываниях с модальностью долженствования или просьбы. Присутствие оценочного знака

в этих модальностях лежит в основе коммуникативной стратегии, которую можно назвать **псевдосоветом**:

You should be grateful, yes, grateful that I'm here to protect you.

Основным содержанием этого высказывания является критика (отсутствия благодарности со стороны адресата), а не совет. Можно продолжить ряд стратегий с приставкой псевдо-: **псевдопобуждение** (*Why not kick all my lovely things to pieces.*), **псевдонедоверие** или псевдоудивление (*You wouldn't, Charles! A young girl like that!*).

Как средства имплицитного выражения критики и неодобрения могут использоваться вопросы (интерогативы):

Why did you say that?

You want me to WHAT?

I don't think George Bross liked Felicity much. – What! His own daughter?

В этих примерах негативная оценка «упакована» в вопрос, что является одним из распространенных стратегий выражения неодобрения. Как правило, вопрос «*Why did you say that?*», выражающий неодобрение ранее сказанного собеседником, не требует ответа. В таких контекстах обычной реакцией на него является не объяснение, а слова извинения «*I didn't mean to hurt you!*», что свидетельствует о восприятии его в качестве критики и неодобрения обоими собеседниками.

Coffee? – asked Boase. – Police coffee?

В вопросе отсутствуют слова, содержащие в своей семантике негативную оценку, и, тем не менее, очевидно, что основным смыслом вопроса является отрицательное отношение к предлагаемому объекту (кофе, подаваемый в полицейском участке, обычно не отличается хорошими вкусовыми качествами).

Оценка может быть выражена имплицитно, когда ни один из элементов высказывания не является оценочным, но описывается ситуация, имеющая соответствующий смысл в «картине мира»:

You weren't around when I was being kidnapped.

We were supposed to..., but you changed your mind, not me. –
Здесь отрицательная оценка заключается в несоответствии действий адресата речи ожиданиям субъекта.

Невыражение необходимого, с точки зрения Теории Вежливости, сочувствия пострадавшему является еще одной стратегией выражения неодобрения персонажа или его действий:

I hope she's suffering.

It was only one mistake. – Serves her right.

Утверждение, что никто так не поступает, предполагает, что говорящий не одобряет соответствующие действия:

Nobody dresses up to go out for dinner these days.

Итак, критикуя или выражая неодобрение чего-либо, говорящий может прибегнуть к сугубо оценочным высказываниям (предназначенным языком для отрицательной оценки), к высказываниям, содержащим оценку, наряду с иными модальностями (советы, вопросы, неиндикативные высказывания), что позволяет превращать их в инструмент отрицательной оценки, и к способам имплицитного выражения отрицательной оценки (приписывание объекту оценки свойств или действий, имеющих соответствующий смысл в «картине мира», контраст между ожиданием и реальностью, невыражение сочувствия и т. д.).

Выбор говорящим средств для выражения отрицательной оценки играет ключевую роль, особенно (хотя и не только) в непосредственной коммуникации, где оценочные высказывания могут затрагивать интересы участников и являться мощным конфликтогенным фактором. Но, как в случае с эксплицитно выраженной, так и имплицитной негативной оценкой, вероятность конфронтации очень высока, тем более, что представляется невозможным следовать Максимумам Грайса: и качество, и количество, и релевантность критики сами могут становиться источником несогласия между коммуникантами.

Высказанная отрицательная оценка сигнализирует о наличии противоречия (говорящий отрицательно оценивает действия или качества адресата речи, либо третьего лица, по поводу которого у адресата может быть противоположное мнение) и потенциально является предпосылкой конфронтации между участниками коммуникации, и кроме того, несет угрозу «социальному лицу» как самого говорящего, так и адресата речи, тому позитивному социальному имиджу, который они, предполагается, стремятся сохранить. Термин

«социальное лицо» предложен Гофманом и лежит в основе Теории Вежливости Браун и Левинсона [12]. Негативные оценочные высказывания могут быть квалифицированы как ФТА (Face Threatening Acts) – акты, угрожающие лицу собеседника или ликопонижающие РА (речевые акты). Они воспринимаются как недружественные, конфронтационные вербальные действия и чреваты нарушением коммуникации, переходом коммуникантов к недружественному взаимодействию, невозможностью реализации их коммуникативных намерений и возникновением конфликтной ситуации.

Теория Вежливости. П. Браун и С. Левинсона предлагает коммуникантам глобальную Стратегию Вежливости, принципы речевого поведения, направленного на сглаживание существующего противоречия и недоведение его до ситуации конфронтации или конфликта путем «сведения к минимуму» угроз «социальному лицу» собеседника. При этом теория вежливости различает негативное лицо (Negative face) и позитивное лицо (Positive Face) коммуниканта. Позитивное лицо сохраняется и поддерживается одобрением окружающих, их поддержкой, симпатией, уважением и принятием, а негативное лицо – предоставлением свободного выбора, уважением независимости и самостоятельности собеседника, посягательства же на эти права коммуниканта несет угрозу его лицу.

П. Браун и С. Левинсон [12] выделяют четыре суперстратегии вежливости: стратегия «bald on record» (отсутствие всяких попыток минимизировать угрозу «лицу» собеседника), позитивная вежливость (вежливость сближения, выраженная забота о позитивном «лице» собеседника, дружелюбность, солидарность, принятие), негативная вежливость (вежливость дистанцирования, минимизация угроз негативному «лицу», демонстрация нежелания ограничить свободу собеседника), стратегия «off-record» (использование намеков и импликаций с целью избежать возможных угроз «лицу» собеседника). Некоторые авторы, анализирующие теорию вежливости Браун и Левинсона считают, что принцип «Своди к минимуму угрозу потери лица» [12] сам по себе и есть глобальная стратегия вежливости [3], а угроза потери «лица» в коммуникации – всегда предпосылка конфронтации.

Модель невежливости Кальпеппера [13], включающая пять суперстратегий невежливости, построена как зеркальное отражение суперстратегий вежливости Браун и Левинсона, суперстратегии невежливости несут угрозу «лицу» собеседника. Кальпеппер выделяет следующие суперстратегии: невежливость «bald on-record» (эксплицитная невежливость, открытая и недвусмысленная угроза «лицу» собеседника), позитивная невежливость (угроза позитивному «лицу» собеседника, оскорбления, негативные оценки, пренебрежительное отношение), негативная невежливость (нанесение ущерба негативному «лицу» адресата, посягательство на его свободу действий, унижение, вторжение в личное пространство), сарказм (притворная или преувеличенная вежливость), игнорирование общепринятых в данной лингвокультуре формул вежливости и невежливость «off-record» (намек и импликации, угрожающие «лицу» собеседника).

Определяя критику и неодобрение как потенциально конфронтационное речевое поведение, логично применить модель Кальпеппера для классификации коммуникативных стратегий, в которых критика и неодобрение в различных обстоятельствах могут находить свое выражение. Следуя модели Кальпеппера выделяем:

1) стратегии неодобрения «bald on-record», недвусмысленный, ничем не завуалированный «удар» по «социальному лицу» адресата (эмоционально окрашенные отрицательно-оценочные прилагательные/наречия, оскорбительные наименования с использованием бранной лексики, демонстративный выход за пределы норм вежливости: «*old frump*», «*wretched hairdresser*», «*Nasty and bitchy*», «*stop staring*», «*shut up!*»);

2) стратегии критики и неодобрения, угрожающие позитивному «лицу» адресата (отрицательно-оценочные высказывания, характеризующие адресата и его действия, конструкции, описывающие отрицательное отношение к нему или эмоциональное состояние, вызванное неодобряемыми и критикуемыми действиями, интерпретация действий адресата с помощью лексики, содержащей отрицательно-оценочный компонент значения: «*I don't like*», «*don't want*», «*I'm a little annoyed*», «*rivalries and jealousies*»);

3) стратегии критики и неодобрения, наносящие ущерб «негатив-

ному лицу» адресата, ограничивающие его свободу действий, означающие вторжение в его личностное пространство или зону ответственности (высказывания с модальностью долженствования или просьбы, директивы, советы и псевдосоветы, псевдопобуждение и псевдоудивление: «*You should...*», «*Why not...*», «*You wouldn't!*»);

4) средства выражения сарказма, такие как притворное и преувеличенное одобрение, трансформирующееся в свою противоположность, часто с помощью интенсификаторов высказывания и интонации;

5) стратегия «off-record», неодобрение в форме намеков и импликаций, угрожающих «лицу» адресата, и игнорирование общепринятых в данной лингвокультуре формул вежливости («*It was only one mistake. – Serves her right.*»).

Выбор говорящим средств выражения критики и неодобрения можно рассматривать как сознательный выбор в ситуации диалогического общения такой коммуникативной стратегии, которая более всего соотносится с его глобальными и локальными коммуникативными целями. Выбирая стратегию выражения критики и неодобрения, коммуниканты вынуждены соотносить свое эмоциональное состояние с прагматикой коммуникации (не зря Вольф определяет оценку как «поле взаимодействия семантики и прагматики» [2]), прибегать к манипулированию иллокутивной силой своего высказывания. Однако, выражая критику и неодобрение, говорящий, фактически, реализует одну из «стратегий невежливости», рискуя оказаться в ситуации конфронтации. В свою очередь, стремление минимизировать угрозы «лицу» собеседника и реализовать свои коммуникативные намерения вынуждает говорящего помещать отрицательно-оценочные высказывания в компенсирующие или нейтрализующие их контексты, либо использовать «PC language» (язык политкорректности), ограничивающий средства отрицательной оценки и делающий запретными для критики и неодобрения определенные свойства и сферы жизни индивидуума.

Особняком стоит феномен речевого взаимодействия в дружеском кругу, где принципы дружеского общения особым образом соотносятся с принципами социального взаимодействия и речевыми стратегиями, допустимыми в социуме. Когда соблюдение принципов кооперации и

языковой вежливости становятся общепринятой нормой и практически универсальным средством эффективного сотрудничества, речевые акты, их реализующие (такие как выражение участия, интереса, поддержки, оптимизма, маркеры солидарности, извинения, принятие на себя основного груза вины за любые неудобства, испытываемые собеседником, приуменьшение любых тягот, испытываемых говорящим, и в этом ряду, всяческое смягчение критики и неодобрения) утрачивают свою эксклюзивность и перестают быть языком близости дружбы и особого отношения. Тогда тесные приятельские отношения между собеседниками «говорят», пренебрегая средствами языковой вежливости, и именно пренебрежение этими инструментами выступает знаком эксклюзивности и доброжелательности в отношениях между коммуникантами. Наблюдения над англоязычным молодежным дискурсом показывают, что высказывания, обычно ассоциирующиеся с конфликтом и агрессией, могут трансформироваться в свою противоположность и использоваться в дружеском общении как маркеры принадлежности к ближнему кругу [8].

“Don't anybody say anything!”

“I hate to tell you, Izzy, but I think one of your false eye-lashes is coming off”

“Might have known I wouldn't get any sympathy from you!”

“I really absolutely hate you sometimes”

“If you dare say “I told you so”, I'll kill you”

Если обратиться к теории речевого взаимодействия П. Браун и С. Левинсона, то в каждом акте речевого взаимодействия могут быть выделены внелингвистические переменные: социальная дистанция (D - distance) и статус (R – ranking), чем больше социальная дистанция между участниками коммуникации, тем большую роль в ней играет соблюдение принципов языковой вежливости; демонстративное пренебрежение принципами языковой вежливости, возможность прямой критики и неодобрения может работать на уменьшение дистанции между коммуникантами и уравнивание их статуса. Такое речевое поведение можно определить как шестую суперстратегию невежливости, «дружескую невежливость», свидетельствующую об особых отношениях и отсутствии дистанции между коммуникантами.

Заклучение.

Широкий спектр средств выражения критики и неодобрения в терминах прагматики можно рассматривать как коммуникативные стратегии, сознательно избираемые коммуникантом для достижения определенных глобальных и локальных целей,

Выражение критики и неодобрения относится к конфронтационному речевому поведению, поскольку оно актуализирует существующее между индивидами противоречие и несет угрозу «лицу» участников коммуникации,

Коммуникативные стратегии выражения критики и неодобрения укладываются в классификацию суперстратегий невежливости Кальпеппера, что позволяет выделить неодобрение «bald on-record», критику и неодобрение, угрожающие позитивному «лицу» адресата, критику и неодобрение, наносящие ущерб «негативному лицу» адресата, сарказм и стратегию «off-record».

К описанным стратегиям следует добавить «дружескую невежливость» как особую коммуникативную стратегию, характерную для ситуации дружеского общения.

Список литературы

1. Бондаренко Е. В. Как нарисовать портрет птицы : кол. монография / [Е. В. Бондаренко, А. П. Мартынюк, И. Е. Фролова, И. С. Шевченко]; под ред. И. С. Шевченко. – Х. : ХНУ им. В. Н. Каразина, 2017. – 246с.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф // Изд. 2е, доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280с.
3. Давыденко Л. Г. Реализация постулатов речевого общения в коммуникации в рамках теории вежливости П. Браун и С. Левинсона / Л. Г. Давыденко, Р. Я. Гаспарян, А. Б. Музыченко // Современные наукоемкие технологии. – 2014. – №2. – С.96–100.2.
4. URL: www.rae.ru/snt/?section=content&op=show_article&article_id=10002269
5. Кэмерон Д. Разговорный дискурс. Интерпретации и практики / Пер. с англ. Вовк Ю. С. – Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2015. – 316с.
6. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 в. / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С.35–72.

7. Тарасова Е. В. Теория речевой аккомодации и проблемы управления дискурсом / Е.В. Тарасова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту “Нар. укр. акад.” – Харків, 2017. – Т. 23. – С. 391–308.
8. Хильковская А. А. К вопросу о так называемом агрессивном дискурсе / А. А. Хильковская // Научная дискуссия: инновации в современном мире: сб. ст. по материалам XLVII Международной научно-практической конференции «Научная дискуссия: инновации в современном мире». – № 3 (46). Часть 2. – М., Изд. «Интернаука», 2016. – С. 18–21.
9. Хильковская А. А. Типология и границы агрессивного дискурса / А. А. Хильковская // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту “Нар. укр. акад.” – Харків, 2018. – Т. 24. – С. 309–318.
10. Шевченко И. С. К определению понятия дискурса в исторической прагмалингвистике / И. С. Шевченко // Романо-германская филология. Вестник Харьковского университета № 435. – Харьков: Константа, 1999. – С. 150–154.

References

1. Bondarenko, E. V., Martynyuk, A. P., Frolova, I. E., Shevchenko, I. S. (2017). Kak narisovat portret ptitsyi: metodologiya kognitivno-kommunikativnogo analiza yazyka [How to draw the portrait of a bird: cognitive and communicative analyses methodology]. *Kol. monografiya*. Kharkiv: HNU im. V. N. Karazina, 2017, 246 p.
2. Volf, E. M. (2002). Funktsionalnaya semantika otsenki [Functional semantics of value judgement]. Moskva: Editorial URSS, 280 p.
3. Davyidenko, L. G., Gasparyan, R. Ya., Muzychenko, A. B. (2014). Realizatsiya postulatov rechevogo obscheniya v kommunikatsii v ramkah teorii vezhlivosti P. Braun i S. Levinsona [Realization of the main communication principles in the framework of P. Brawn and S. Levinson's Politeness Theory]. / *Sovremennyye naukoemkie tehnologii* #2, pp. 96–100.
4. Cameron, D. Working with Spoken Discourse, Sage, 2015. 298 p. (Russ. ed. Razgovornyy diskurs. Interpretatsii i praktiki, Kharkiv: Izd-vo «Gumanitarnyj centr», 2015. 316 p.).
5. Stepanov, Yu.S. (1995). Alternativnyj mir, diskurs, fakt i princip prichinnosti [Alternative world, discourse and a causality principle]. *Yazyk i nauka konca 20 v*. Moskva: In-t yazykoznanija RAN, pp. 35–72.
6. Tarasova, E. V. (2017). Teoriya rechevoy akkomodatsii i problemy upravleniya diskursom [Speech accommodation theory and discourse management issues]. *Vcheni zapiski Kharkivs'kogo humanitarnogo universitetu "Narodna ukrains'ka akademiya"*. Kharkiv, (23), pp. 391–308.
7. Hilkovskaya, A. A. (2016). K voprosu o tak nazyvayemom agressivnom

diskurse [About so called aggressive discourse]. *Nauchnaya diskussiya: innovatsii v sovremennom mire: sb. st. po materialam XLVII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Nauchnaya diskussiya: innovatsii v sovremennom mire»*. Moskva, 3(2), pp. 18–21.

8. Hilkovskaya, A. A (2018). Tipologiya i granitsyi agresivnogo diskursa [Typology and limits of aggressive discourse]. *Vcheni zapiski Kharkivs'kogo humanitarnogo universitetu "Narodna ukrains'ka akademiya"*. Kharkiv, (24), pp. 309–318.

9. Shevchenko, I. S. (1990). K opredeleniyu ponyatiya diskursa v istoricheskoy pragmalingvistike [To the definition of discourse in historical pragmalinguistics]. *Romano-termanskaya filologiya. Vestnik Harkovskogo universiteta*. Kharkiv: Konstanta, # 435, pp. 150–154.

10. Boncea, I. J. (2013). Hedging Patterns Used as Mitigation and Politeness Strategies. *Annals of the University of Craiova*, 2, pp. 2–25. Available at: http://cis01.central.ucv.ro/litere/activ_st/anale_engleza/Annals_vol2_2013_Limba.pdf
<http://docplayer.net/35508079-Hedging-patterns-used-as-mitigation-and-politeness-strategies.html>

11. Brown, P., Levinson, S. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. L., N.Y.: CUP, 345p.

12. Brown, P., Levinson, S.C. (1978). Universals in language usage: politeness phenomena. *Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction*. N.Y.: Cambridge University Press, pp. 56---289.

13. Culpeper, J. (1996). Towards an anatomy of impoliteness. *Journal of Pragmatics*. 1996, 25, pp. 349-367.

14. Grice, P. (1998). Further Notes on Logic and Conversation. *Pragmatics vol. 4*. London: Routledge, pp. 162–178.

15. Grice, P. (1995). Logic and Conversation. *Syntax and Semantics. Speech Acts*. 1995, 3, pp. 41-52.

16. Leech, G. N. (1980). *Explorations in Semantics and Pragmatics*. Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 133 p.

17. Thomas, J. (1995). *Meaning Interaction: An Introduction to Pragmatics*. London : Longman, 224 p.